

Н.И. Шубникова-Гусева

Есенин в жизни и творчестве

Детство. Константиново (1895–1909).....	1
Спас-Клепиковская учительская школа (1909–1912)	3
Москва (1912–1915).....	5
Петроград. Царское Село. Военная служба (1915–1917)	8
Москва (1918–1922).....	12
Зарубежная поездка. Европа и Америка (1922–1923).....	14
После границы (август 1923 — август 1924).....	16
«Болдинская осень» Есенина. Кавказ (сентябрь 1924 — сентябрь 1925).....	19
Последние месяцы жизни (сентябрь–декабрь 1925).....	20

Детство. Константиново (1895–1909)

Крестьянский сын Сергей Александрович Есенин родился 21 сентября (3 октября по новому стилю) 1895 года в селе Константинове Кузьминской волости Рязанского уезда, Рязанской губернии. Этот день был отмечен историческим для России событием. 20–21 сентября 1895 года Рязань праздновала свое 800-летие. Во всех уголках Рязанщины звонили колокола и шумели народные гулянья. Древняя русская земля как будто приветствовала рождение своего гения. Есенин был крещен в Константиновской церкви иконы Казанской Божией Матери и наречен Сергеем в честь Сергия Радонежского.

Старинное русское село Константиново, раскинувшееся вдоль холмистого правого берега Оки, насчитывало несколько сот дворов. Оно пролегло широкой прямой улицей, которая тянулась на несколько километров, потому что к ней примыкали деревня Волохна и большое село Кузьминское. Дом Есениных находился в самом центре села Константиново.

Родители Есенина поженились очень рано, когда отцу было восемнадцать, а матери шестнадцать с половиной лет. Отец Есенина — Александр Никитич Есенин, с детства был известен по всей округе своим прекрасным голосом. Он слыл немного чудаковатым, потому что не пил и любил читать книги. Когда пришло время жениться, его выбор пал на первую красавицу и лучшую в селе песенницу Татьяну Федоровну Титову.

Сыграв свадьбу, Александр Никитич вернулся в Москву, где он работал мясником, а мать осталась жить в доме свекрови, Аграфены Панкратьевны, которая была полной хозяйкой в семье. Основной доход Аграфена Панкратьевна получала от жильцов: художников, работавших в церкви, и монахов, ходивших по деревням с чудотворными иконами. Для постояльцев нужно было готовить, стирать, носить воду и убирать, поэтому молодой жене Александра Никитича приходилось много помогать свекрови.

Бабушка Аграфена Панкратьевна умерла в 1908 году в возрасте 53 лет и почти все детские воспоминания Есенина связаны с бабушкой по материнской линии, в семье которой он часто бывал с трех с половиной лет. Но бабушку Аграфену поэт тоже не забудет. В одном из ранних стихотворений «Матушка в купальницу по лесу ходила...» (1912) он назовет себя «внуком купальской ночи» и вопреки фактам биографии символически

связет свое появление на свет с купальницей (или Аграфеной-купальницей — название праздника перекликается с именем бабушки Есенина по отцовской линии) — кануном Ивана Купалы, народным праздником, который приходится на 23 июня.

По народным поверьям, роса, выпадающая в купальскую ночь, обладает живительными и целебными свойствами и передает их полевым цветам и травам. Поэт, родившийся в это время, впитывает живую силу слова, несущего людям исцеление от различных бед и болезней — «Сутемень колдовная счастье мне пророчит». Эту народную веру в волшебную власть слова, идущую от заговора и притчи, от деревенских бабушек-знахарок, способных заговорить любую болезнь и беду, Есенин пронесет через всю жизнь.

Жизнь родителей Есенина не заладилась. Когда Сергею пошел четвертый год, он с матерью много времени проводил в доме ее родителей — Натальи Евтихиевны и Федора Андреевича Титовых. В зрелые годы, оглядываясь на свой путь, Есенин признал, что никто не имел для него такого значения, как его дед, Федор Андреевич:

«...Это был удивительный человек. Яркая личность, широкая натура».

«Дедушка наш, — вспоминала А.А. Есенина, — был человеком с большим размахом, любил повеселиться и погулять. Возвращаясь из Питера, он устраивал гулянье на несколько дней. Ведрами выставлялось вино — пей, сколько хочешь и кто хочет. И пьет и гуляет чуть не все село <...>

Совершенно иной жизнью в своей семье жила бабушка Наталья <в девичестве Кверденева>. Она была человеком тихим, кротким, добрым и ласковым».

Она была она набожна и водила внука по церквам и монастырям.

«Я рос, — вспоминал позже Есенин, — дыша атмосферой народной поэзии. Бабка, которая меня очень баловала, была очень набожна, собирала нищих и калек, которые распевали духовные стихи. <...> Еще больше значения имел дед, который сам знал множество духовных стихов наизусть и хорошо разбирался в них».

У матери Есенина было три взрослых неженатых брата. Они очень любили своего племянника, но воспитывали его своеобразно. «Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку.

Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх, стерва! Ну куда ты годишься?» «Стерва» у него было слово ласкательное» (Сергей Есенин. Автобиография. 1922).

Читать поэт научился в 5 лет под руководством дяди. С тех пор чтение стало одним из самых любимых занятий. «Насколько я себя помню, помню и толстые книги, в кожаных переплетах», — вспоминал он.

По собственным словам, стихи начал складывать рано, лет восьми-девяти. Друзья детства позже вспоминали, что это были строки о природе. Есенин не раз говорил о том, как много значили для него как поэта не только образный строй русского фольклора, частушек, песен, сказок и духовных стихов, но и впечатления от родной природы, «уличной» жизни, не похожей на домашнюю: ширь полей и синь небес, голубая гладь озер, луна, стоящая «стоймя в воде».

В сентябре 1904 года Есенин поступил в Константиновское земское училище. Обучение в училище было рассчитано на четыре года. Кроме чтения, письма, арифметики, русской истории и географии изучали религиозные предметы — священную историю, Евангелие и молитвенник. Училище было небольшое, всего четыре класса. Оно помещалось почти напротив дома Есениных.

«Есенин, — как вспоминал один из его товарищей по училищу, — уже тогда выделялся среди нас. И учителя и мы, ученики, любили его за прямоту и веселый нрав. Был он первый заводила, бодовый и драчливый, как петух. <...> Одарен он был ясным умом. Отвечал на уроках бойко. Особенно когда читал стихи Некрасова, Кольцова и других поэтов. <...> Была у нас и школьная библиотека. По тем временам неплохая. Имелись в ней книги Пушкина, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Лермонтова, Толстого, стихи крестьянских поэтов Кольцова и Никитина».

Учителями Есенина были Иван Матвеевич и Лидия Ивановна Власовы, которые любили его, хотя частенько наказывали и ставили в угол. Учился Есенин отлично, но за баловство был оставлен на второй год в третьем классе. Весной и летом Сергей целые дни проводил в лугах на сенокосе с пастухами, пас в ночном лошадей. Любил купаться на Оке, ловить рыбу, раков или утят в луговых озерах. Поймает, а потом отпустит обратно в воду. Любил народные песни и праздники, участвовал в праздновании масленицы, а под Новый год исполнял обрядовые песни и ходил ряженым.

С детства в Есенине проявилось редкое сочетание озорства и грусти. Нередко он один бродил в окрестностях села среди холмов. Любимым местом его уединения, как вспоминала его сестра А. Есенина, была старинная плита, которая находилась на кладбище за церковью на высокой крутой горе. «Отсюда открывался чудесный вид на <...> приокские раздолья».

Когда Сергею исполнилось 10 лет, родилась его сестра Екатерина. Бабушка распорядилась, что крестить и помогать ее растить будет Сергей. Свою ответственность за воспитание сестры брат ощущал постоянно и в будущем во многом заменил ей и младшей сестре Шуре (род. в 1911) мать и отца. Есенин всегда был очень привязан к своей семье, постоянно помогал родным материально.

Большое влияние на духовное становление будущего поэта оказал сельский священник отец Иоанн (в миру — Иван Яковлевич Смирнов). Он служил в Константиновской церкви и преподавал в школе уроки закона Божьего, был добр и жил открыто. Часто помогал калекам и нищим. Сергей нередко бывал в доме священника и запечатлел его в своих стихах:

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

Отец Иван много читал, из года в год выписывал «Ниву» с литературными приложениями и газету «Русское слово». В семье священника была хорошая библиотека, которой мог пользоваться будущий поэт. По словам школьных товарищей, к последнему классу школы он прочитал массу книг. Мать поэта, женщина неграмотная, но мудрая, вспоминала о сыне:

«Читал он очень много всего. И жалко мне было его, что он много читал, утомлялся. Я подойду погасить его огонь, чтобы он лег, уснул. Но он на это не обращал внимания. Он опять зажигал и читал...»

В мае 1909 года Есенин с похвальным листом закончил Константиновское земское училище. Особенно гордился этой наградой отец Сергея, потому что похвальный лист редко кто имел в Константинове. По этому случаю он неожиданно приехал из Москвы и повесил похвальный лист своего сына в красивую рамку со стеклом. А.Н. Есенин был единственным в то время в селе отцом, который отправил своего сына после окончания училища не на заработки, а учиться.

Спас-Клепиковская учительская школа (1909–1912)

Родители поэта хотели, чтобы из него вышел сельский учитель. В сентябре 1909 года Сергея Есенина отдали в церковно-учительскую школу (село Спас-Клепики Рязанского уезда). Это было училище широкого профиля: оно готовило мальчиков одновременно к церковной службе и к профессии учителя церковно-приходской школы.

Один из учителей Сергея, старший преподаватель Евгений Михайлович Хитров, который фактически руководил жизнью школы, вспоминал:

«Знания его были шире положенной программы. Он много читал».

Больше всего поэту нравился Лермонтов и Кольцов, позже он «перешел к Пушкину».

В обычае Хитрова было читать целиком в классе большие произведения вроде «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и пр.

«Но думаю, – вспоминал он, – не было такого жадного слушателя у меня, как Есенин. Он впивался в меня глазами, глотал каждое слово. У него первого заблестят глаза и появятся слезы в печальных местах, первый расхохочется при смешном».

Обладая замечательной памятью, Есенин знал прочитанные в детстве произведения наизусть.

Обязательными предметами в школе были закон Божий и церковно-славянский язык. Все ученики в субботу и воскресенье ходили в церковь, участвовали в церковных службах и школьном хоре. Есенин учился хорошо, но был очень озорным. Казенный дух Спас-Клепиковской школы угнетал его.

Часто в свободное от уроков время Есенин с товарищами бывал в семье своего школьного товарища Гриши Панфилова. Отец и сын Панфиловы были большими книголюбями и много читали. Особенно любили Горького, Чехова, Никитина, Лермонтова. Почти стихийно в доме Панфиловых сложился кружок молодежи, где увлекались толстовскими идеями, читали и спорили о романе Л. Толстого «Воскресение», трактате «В чем моя вера», о книгах Горького, обсуждали вопросы современной общественной жизни. В свободное время весной и осенью гуляли и читали в березовой роще неподалеку от интерната. Зимой Сергей увлекался коньками и лыжами. По праздничным дням любил ходить на большие базары, которые собирались в Спас-Клепиках.

Летом на каникулы Есенин приезжал в домой в Константиново. В доме Сардановских молодежь затевала игры, пела и танцевала. Здесь юный поэт часто встречался с сестрой своего друга — Анной Сардановской. Старожилы вспоминали, как «однажды летним вечером Анна и Сергей, раскрасневшиеся, держа друг друга за руки, прибежали в дом священника и попросили бывшую там монашенку разнять их, говоря: “Мы любим друг друга и в будущем даем слово жениться, разними нас. Пусть, кто первый изменит и женится или выйдет замуж, того второй будет бить хворостом”». Есенин не забыл свою первую любовь. Анне Сардановской посвящено его несохранившееся стихотворение «Зачем зовешь ты меня...» (1911–1912), а также «За горами, за желтыми долами...» (1916). Часто бывал Есенин и в соседнем имении молодой образованной помещицы Л.И. Кашиной, которой также увлекался в юности. Пленительные образы этих женщин спустя много лет нашли отражение в поэме «Анна Снегина».

К периоду учебы в Спас-Клепиковской школе поэт относил начало своего сознательного поэтического творчества. Как вспоминал один из его школьных товарищей, Есенин «увлекался тогда произведениями Пушкина, среди товарищей считался лучшим поэтом, был кудрявым блондином, имел имя Сергей Александрович. Все это вместе взятое твердо закрепило за ним прозвище — Пушкин».

Свои стихи Есенин показывал товарищам и учителю русского языка и литературы Е.М. Хитрову. Первым стихотворением, поразившим учителя, было стихотворение «Звезды» («Звездочки ясные, звезды высокие!..»). Написанное под влиянием поэзии Лермонтова, оно говорило о силе великого знания и вечных тайнах мироздания. Хитров сказал своему ученику, что «Звезды» можно даже напечатать и что у Есенина «ясно выраженный талант». Юный поэт не стал печатать это стихотворение, но поддержка учителя его вдохновила. С тех пор он часто приносил ему свои стихи.

17 ноября 1911 Спас-Клепиковскую школу посетил с обычной ревизией епархиальный наблюдатель И.Д. Рудинский, которому Хитров показал восхитившее его стихотворение. Рудинский в классе при всех расхвалил юного поэта и в этот же день Есенин адресовал ему стихотворение «И.Д. Рудинскому».

Однажды учитель попросил Есенина написать ему сборничек своих стихов. В ответ на эту просьбу Есенин написал Хитрову две тетради по пять стихотворений. В первую тетрадь он поместил «Звезды», «Воспоминание» («За окном у ворот...»), «Моя жизнь», «Что прошло — не вернуть», «И.Д. Рудинскому». На обложке рукой поэта начертано:

«Сергей Есенин». Во второй тетради — «Ночь» («Тихо дремлет река...»), «Восход солнца», «К покойнику», «Зима», «Песня старика разбойника». Позже, в начале 1916 года, когда вышла первая книга Есенина «Радуница», автор прислал ее своему первому литературному наставнику с дарственной надписью: «Доброму старому учителю Евгению Михайловичу Хитрову от благодарного ученика, автора этой книги. 1916. 29 янв., Петроград».

Другой известный рукописный сборник стихов Есенина этого периода, который поэт хотел издать в Рязани в 1912 году, называется «Больные думы» и состоит из 16 стихотворений. Все они довольно слабы и подражательны. Но стоит обратить внимание на то, что их лирическим героем уже является одинокий поэт, любящий свою родную землю и болеющий за ее горькую долю.

Эта тема станет основной в лирике Есенина вплоть до последних лет жизни и получит наиболее трагическое воплощение в поэме «Черный человек». «Имеет право писать стихи только тот, кому больно», — так сформулировал Есенин свое творческое кредо одному из своих друзей незадолго до смерти.

В своих духовных исканиях в отроческие годы Есенин не раз обращается к теме назначения поэта. Одно из стихотворений «Поэт» («Не поэт, кто слов пророка...», 1912) восходит к программному пушкинскому стихотворению «Пророк». Оно тоже выдержано в возвышенно-ораторском тоне.

Для Есенина, как и для Пушкина, поэт — пророк, каким его запечатлела Библия. Устами есенинского пророка говорит Бог, и поэт должен его словами обличать пороки людей, говорить людям истину. Вскоре, уже будучи в Москве, юный Есенин напишет первую драму в стихах, которую назовет по-пушкински: «Пророк».

Вопрос, когда Есенин написал первые, отмеченные неповторимостью его поэтического голоса стихи, до сих пор остается неясным и порождает легенды. Согласно авторским датам, самые ранние шедевры («Вот уж вечер. Роса...», «Там, где капустаны грядки...», «Выткался на озере алый свет зари...», «Подражанье песне», «Дымом половодье...») написаны в 1910 году. К тому времени поэту едва исполнилось 15 лет (!). Многие из этих дат проставлены поэтом при подготовке «Собрания стихотворений» в 1925 году и довольно сомнительны.

В конце мая 1912 года Есенин окончил Спас-Клепиковскую учительскую школу и получил свидетельство о присвоении «звания учителя школы грамоты». По желанию родных будущий поэт должен был поступить в Московский учительский институт. Но Есенин уже ясно осознал свое творческое призвание.

Москва (1912–1915)

В конце июля 1912 года Есенин выехал из Константинова в Москву на постоянное место жительства. Первый московский адрес — Строченовский переулок, дом 24, квартира 11, где жил его отец (в настоящее время здесь находится первый Московский государственный музей С.А. Есенина). Есенин уже приезжал сюда на неделю летом

1911 года, навестил отца и купил книг «штук 25».

В Москве Есенин сначала поступил на работу в контору владельца мясной лавки купца Н.В. Крылова, где приказчиком работал его отец. Вскоре поэт устроился на короткий срок в контору книготоргового товарищества «Культура», а весной 1913 — в типографию товарищества И.Д. Сытина. Работал в экспедиции, а позже в корректорской. Типография, выпускавшая книги массовым тиражом, для народа, была крупнейшей в России: каждая четвертая книга, выходящая в стране, печаталась здесь.

Это было тревожное для России время. После Ленских событий 1912 года по всей стране развернулось стачечное движение, в котором участвовали и рабочие типографии Сытина. Вместе с ними юный поэт вел агитацию среди рабочих и распространял нелегальную литературу.

Общение с рабочими и работа в типографии, где печатались книги писателей-классиков и современных отечественных и зарубежных авторов, сыграла большую роль в духовном становлении поэта. Есть сведения о том, что Есенин считывал тома собраний сочинений В. Гюго и Г. Сенкевича, по рукописям сверял произведения Л. Толстого, К. Бальмонта и др. и покупал выходявшие у Сытина книги. Обладая феноменальной памятью, поэт, по словам знавших его людей, выпитывал за день больше, чем другой за год.

В типографии Сытина Есенин познакомился и вступил в гражданский брак с Анной Романовной Изрядновой, работавшей корректором. Она стала матерью его первого сына — Юрия (расстрелян в 1938). Семья вскоре распалась, но Изряднова всегда была самым преданным другом. Именно к первой жене пришел поэт незадолго до смерти перед отъездом в Ленинград и сжег многие свои рукописи.

Одновременно с работой в типографии Сытина поэт начал заниматься в Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского. Университет был в то время едва ли не самым передовым учебным заведением страны. Свободный доступ к богатой научной библиотеке, лучшие профессора, широкая программа преподавания привлекали жаждущих знаний со всех уголков России.

С сентября 1913 по март 1915 года Есенин слушал лекции историко-философского цикла академического отделения, где видные профессора того времени читали курсы по истории древней и новейшей философии, истории Средних веков, отдельные курсы истории Франции, Германии и Англии, курсы русской истории XVIII и XIX веков, а также истории западной и русской литературы. Кроме того, слушатели посещали лекции по логике, психологии, теории права, политэкономии, этике и практические занятия по новой русской литературе и русской истории.

В письмах той поры к друзьям юности отражены философские и нравственные размышления поэта о смысле жизни, о нравственном идеале и поиске истины. В конце 1912 — весной 1913 года поэт пишет тяжелобольному Грише Панфилову:

«Жизнь... Я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно».

И спустя несколько месяцев:

«Войдя в мое положение или в чье-либо другое, проверь себя, не сделал бы ли ты того, что сделал другой, поставь себя в одинаковые условия и в однородную степень понимания, и увидишь доказательство истинных слов: Я есть ты. <...> Если бы люди понимали это, а особенно ученые-то, то не было <бы> крови на земле и брат не был бы рабом брата. Не стали бы восстанавливать истину насильем, ибо это уже не есть истина...»

В Москве Есенин все больше времени уделяет творчеству. В 1912 году он посылает стихи на конкурс начинающих стихотворцев, объявленный в мае этого года московским «Обществом деятелей периодической печати и литературы». Неизвестно, какие стихи послал Есенин на конкурс, но среди награжденных его не оказалось. Осенью 1913 года Есенин впервые читал свои стихи профессиональному литератору, поэту и переводчику И.А. Белоусову, который нашел у него «талант, и талант истинный».

Желание опубликовать свои стихи было огромным. И Есенин обращается к редактору печатающихся у Сытина журналов «Вокруг света» и «Мирок» В.А. Попову. В январе 1914 года в первом номере детского журнала «Мирок» было опубликовано есенинское стихотворение «Береза».

«Береза» — первое из известных печатных выступлений поэта. Оно было подписано псевдонимом «Аристон». Так назывался получивший распространение механический музыкальный ящик. Источниками происхождения псевдонима являются стихотворения Державина «К лире» и Пушкина «К другу стихотворцу». В обоих этих стихах авторы называют Поэта, Певца «аристом». С пушкинским стихотворением есенинскую «Березу» роднит и то, что это — дебют поэта в печати. Интересно, что в переводе с греческого «Аристон» означает «самый лучший». Так юный поэт даже своим псевдонимом сумел

указать на то, что в литературу пришел народный песенный поэт, который осознает свое великое будущее и является наследником пушкинских традиций. Гонорар за эту публикацию поэт отдал отцу, чтобы расположить его к своим литературным занятиям.

В сентябре 1914 года поэт поступает корректором в типографию торгового дома «Д. Чернышев и Н. Кобельков», но вскоре бросает работу и весь отдается творчеству.

В этот период поэт участвует в собраниях Суриковского литературно-музыкального кружка и становится одним из организаторов журнала суриковцев «Друг народа». Сближение с «суриковцами» было не случайно, так как в ранних стихах поэта нередко звучат мотивы крестьянской России, свойственные поэзии И. Сурикова, И. Никитина, С. Дрожжина, А. Кольцова и др. Но уже в начале февраля 1915 года между Есениным и руководством кружка возникает конфликт и поэт заявляет о своем выходе из него.

В январе 1915 Есенин сообщает в письме к А. Ширяевцу о существовании кружка журнала «Млечный путь», приглашает его сотрудничать и отмечает хороший подбор авторов. В журнале публиковались произведения С. Дрожжина, А. Новикова-Прибоя, Б. Пильняка, И. Северянина и др. В 1915 здесь были опубликованы два стихотворения Есенина: «Кручина» («Зашумели над затоном тростники...») и «Выткался на озере алый свет зари...» В 1914 — начале 1915 поэт печатался в московских журналах «Проталинка», «Друг народа», «Марс», «Доброе утро», «Парус».

Поэтический дар Есенина развивался стремительно. За три года жизни в Москве им были написаны стихи, которые принесли ему славу весной 1915 года в Петрограде. В этих стихах, проникнутых религиозным чувством святости природы и исполненных песенного лиризма, воплощены красота и память древней русской земли, ее живые краски и звуки. «Разухабистой гурьбой» гуляют рекруты, играет тальянка, плачут глухари, полыхают зори и пророчит счастье «колдовная» сутемень («Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»), «По селу тропинкой кривенькой...» и др.). Далекое от суетной жизни и верные законам природного бытия, идут потаенными тропами и молятся «на копны и стога» странники и богомольцы («Пойду в скуфье смиренным иноком...»), «Шел Господь пытать людей в любви...» и др.).

С юных лет поэт проявляет живейший интерес к историческому прошлому своего народа и стремится с помощью истории осмыслить современность. Поэма «Сказание о Евпатии Коловрате...», датированная автором 1912 годом (в редакции 1925 — «Песнь о Евпатии Коловрате»), посвящена земляку поэта, рязанскому воеводе, герою битвы с татарами. «Марфа Посадница» (1914), которой Есенин откликнулся на Первую мировую войну и революционные настроения, обращена к событиям XV века и воспеваает новгородскую вольницу. Под именем Марфы Посадницы в русскую историю вошла вдова новгородского посадника И. Борецкого. В 1471 году непокорная посадница выступила во главе части новгородских бояр против Ивана III Васильевича, великого князя Московского. Прототипом героя маленькой поэмы «Ус» (1914) является реальный исторический деятель — донской атаман Василий Родионович Ус, предшественник и сподвижник Степана Разина. В его образе Есенин воспеваает бунтарский дух и нравственную силу народа.

19 июля 1914 Германия объявляет войну России. Война застаёт Есенина в Крыму, в Ялте, где он отдыхает. Вскоре он возвращается в Москву. Пишет поэму «Галки», в которой, по словам одного из современников, «отобразил ярко поражение наших войск, бегущих из Пруссии, и плач жен по убитым» (запрещена цензурой; текст не сохранился), а также стихотворения «Молитва матери», «Богатырский посвист», «Узоры» и «Бельгия», посвященные Первой мировой войне. С началом войны в поэзии Есенина все настойчивее звучат социальные гражданские и патриотические мотивы и тема родины.

Обострившиеся в годы войны раздумья Есенина о судьбе родины и народа отражены в маленькой поэме «Микола», главный герой которой — народный заступник и «милостник», молится за «здравье» и «победы» «вытерзанного люда».

Стихотворение «Гой ты, Русь, моя родная...» привлекает внимание критиков. Но одни видят в нем большую и подлинную любовь к «спасовой» Руси, живописную красочность и песенность, сочность и богатство языка, а другие «невыносимое националистическое ухарство» и упражнения в переводах с «народного» на русский язык.

Главным содержанием произведений конца 1914 — начала 1915 годов является трагическое положение деревни в годы войны, когда природа тосковала по хлеборобу, ушедшему на войну («Заглушила засуха засевок...», «Черная, потом пропахшая выть...», «Топи да болота...», «Край ты мой заброшенный...» и др.).

Наиболее значительным произведением этой поры стала маленькая поэма «Русь» (1914), в которой Есенин создает обобщенный образ родной земли, задумывается о ее судьбе, рассказывает о страданиях и надеждах своего народа и пытается ответить на вопрос, за что же он любит свою родину.

Еще осенью 1913 года у Есенина возникает намерение поехать в Петроград. В одном из писем Г. Панфилову той поры поэт пишет: «Думаю во что бы то ни стало удрать в Питер. <...> Москва не есть двигатель литературного развития, а она всем пользуется готовым из Петербурга». Намерение поэта осуществилось лишь весной 1915 года. К этому времени у Есенина сложилась первая книга стихов «Радуница». Позже он написал в автобиографии:

«Я послал из них некоторые в петербургские журналы и, не получая ответа, поехал туда сам».

Петроград. Царское Село. Военная служба (1915–1917)

9 марта 1915 года произошло событие, во многом определившее творческую судьбу Есенина: неизвестный молодой поэт приехал в Петроград и встретился с Блоком. Блок сразу отобрал для печати шесть стихотворений и написал рекомендательные письма к С. Городецкому и издательскому работнику, крестьянскому писателю М. Мурашеву («Направляю к вам талантливого крестьянского поэта-самородка»). В тот же день Блок сделал запись в дневнике: «Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные». Таких стихов, привезенных в Петроград завязанными в деревенский платок, было шестьдесят.

В Петрограде Есенин познакомился с Н. Клюевым, М. Горьким, В. Маяковским, О. Мандельштамом, А. Толстым и другими писателями. Посещал вечера поэзии, был принят в аристократических салонах. 15 марта читал стихи и пел частушки на воскресном приеме у Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского.

Пение частушек, стихи, завязанные в деревенский платок, и крестьянский костюм (сапоги и поддевка), в котором Есенин пришел к Блоку, а затем в салон Гиппиус, были своеобразным средством завоевания северной столицы. Позже, выступая с Клюевым, поэт оденется в костюм пастушка Леля — шелковая синяя рубаха, бархатные шаровары и сапожки — и подчеркнет тем самым свои крестьянские истоки. В этом проявился уникальный дар поэта, гениального актера и тончайшего психолога, легко входящего в роль, подсказанную творчеством.

Есенинский поэтический мир — это своеобразный диалог стихов и жизни. И если Маяковский «делал стихи», то Есенин делал свою биографию. Сменой ролей и масок, очередным ряженьем отмечен каждый период его жизни, построенной по законам народной драмы: через несколько лет поэт наденет цилиндр и лакированные башмаки, а в последние годы жизни — пушкинскую крылатку (расклеванную накидку).

Тогда, весной 1915 Есенину удалось завоевать холодный и скептический Петроград (из 60 привезенных стихотворений в редакциях приняли 51).

«О Есенине, — вспоминал один из современников, — в тогдашних литературных салонах говорили как о чуде. И обычно этот рассказ сводился к тому, что неожиданно-негаданно, точно в сказке, в Петербурге появился кудрявый деревенский паренек, в нагольном тулупе и дедовских валенках, оказавшийся сверхталантливым поэтом... О Есенине никто не говорил, что он приехал, хотя железные дороги действовали исправно. Есенин пешком пришел из рязанской деревни в Петроград, как ходили в старину на богомолье. Подобная версия казалась интереснее, а главное, больше устраивала всех».

Уже 22 апреля 1915 года в журнале «Голос жизни» был напечатан ряд стихотворений Есенина. Подборку сопровождала статья З.Н. Гиппиус «Земля и камень». «Декадентская мадонна» писала:

«В стихах Есенина пленяет какая-то “сказанность” слов, слитость звука и значения, которая дает ощущение простоты. <...> Тут <...> мастерство как будто данное: никаких лишних слов нет, а есть те, которые есть, точные, друг друга определяющие». Это была первая рецензия на стихи Есенина.

Получив отсрочку от воинской службы, Есенин с 1 мая до 1 октября живет на родине в Константинове, посещает Рязань, Солотчу и окрестные села.

Весной 1915 года Есенин вошел в литературную группу «Краса», созданную по инициативе С. Городецкого и А. Ремизова. Стремление участников этой группы, в которую входил и Н. Клюев, к возрождению русской старины, мифологии и быта деревни было близко поэту, но уже осенью группа распалась.

В этот период Есенин часто выступает с чтением своих стихов: участвует вместе с Клюевым, Ремизовым и Городецким в вечере «Краса»; входит в литературно-художественное общество «Страда», один из вечеров которого 10 декабря 1915 года посвящается творчеству Есенина и Клюева. После представления лицам, близким высшим слоям российского общества — певице Н. Плевицкой, церковному старосте Феодоровского Государева собора в Царском Селе полковнику Д.Н. Ломану и другим, Есенин с Клюевым едут в начале января в Москву и при материальной поддержке полковника Ломана выступают в качестве «сказителей», в том числе в придворных кругах. В доме великой княгини Елизаветы Феодоровны Есенин и Клюев знакомятся с художниками В. Васнецовым и М. Нестеровым. Нестеров дарит поэтам открытки с репродукцией со своей картины «Святая Русь».

Главным событием жизни Есенина до призыва в армию является выход его первой книги «Радуница». Само название книги вызывает ассоциации с народной жизнью (радуница — весенний обрядовый праздник встречи весны и поминания усопших).

В «Радуницу» Есенин включил 33 стихотворения, составившие два раздела: «Русь» и «Маковые побаски». Побаска или побасенка — это короткий рассказ, нечто среднее между частушкой и притчей. «Притча» на Рязанщине означает волшебное слово, излечивающее от болезни, а «побасить» значит «полечить» (таким образом, в сборнике отразилось есенинское понимание миссии поэта — врачевателя человеческих душ, которую поэт провозгласил еще в стихотворении «Матушка в купальницу по лесу ходила...»).

Друг Есенина, М. Мурашев, вспоминал, как поэт, получив авторские экземпляры «Радуницы», прибежал к нему «радостный, уселся в кресло и принялся перелистывать, точно пестуя первое свое детище. Потом, как бы разглядев недостатки своего первенца, проговорил:

— Некоторые стихотворения не следовало бы помещать».

В предреволюционные годы в России блистало целое созвездие поэтов: Блок, Брюсов, Бальмонт, Белый, Бунин, Городецкий, Маяковский. Но стихи Есенина сразу привлекли внимание критиков свежестью и юной непосредственностью. Клюев писал Есенину, сравнивая его стихи с «поэтами» самого модного поэта тех лет Игоря Северянина:

«Твоими рыхлыми драчёнами <драчёны — лепешки; из стих. «В хате»> объелись все поэты, но ведь должно быть тебе понятно, что это после ананасов в шампанском».

Особенно ценил Есенин статью профессора-литературоведа П. Сакулина «Народный златоцвет» и, по словам Городецкого, перечитывал ее несколько раз.

«Весенним, но грустным лиризмом веет от «Радуницы», — писал Сакулин. — Славословье природы, поэзии быта, искорки молодой любви и молитвы Божьей — спектр этой едва распускающейся поэзии. Он превращает в золото поэзии все — и сажу над заслонками, и кота, который крадется к парному молоку, и кур, беспокойно вхохочущих над оглоблями сохи... В Есенине говорит непосредственное чувство крестьянина, природа и деревня обогатила его язык дивными красками...»

Не все встретили явление нового поэта восторженно. Довольно холодно отзывались о нем М. Кузмин, Г. Иванов, Г. Адамович, Н. Гумилев, которым была далека песенная народная поэзия Есенина и сам поэт, играющий в «какого-то робкого, тихого паренька», хотя «в глазах было столько озорства и даже дерзости, что трудно было все это вынести».

В марте 1916 года Есенин был призван на воинскую службу в запасной батальон в Петрограде. С 20 апреля 1916 до середины марта 1917 поэт служит в Царском Селе в качестве санитаря в Царскосельском военно-санитарном поезде № 143 имени императрицы Александры Феодоровны. В апреле-июне поэт дважды выезжал с поездом к линии фронта, в Крым и Киев; был на Юго-Западном фронте. С 16 по 30 июня находился в увольнении, вместе с Клюевым побывал на родине в Константинове и написал ряд стихотворений. В одном из них — «Я снова здесь в семье родной...» юноша как будто навсегда прощается с родным краем, со своей юностью и друзьями «игрищ и забав».

Полковник Д.Н. Ломан, под начальством которого служил Есенин, пользовался доверием семьи Романовых. В его ведении находился поезд и лазарет. Кроме того, он был ктитором Феодоровского собора и возглавлял строительство Феодоровского городка, который создавался как центр «Общества возрождения художественной Руси». В деятельности общества принимали участие прославленные русские художники В. и А. Васнецовы, М. Нестеров, Н. Рерих, И. Билибин, с которыми Есенин был лично знаком.

По инициативе Ломана в лазарете для раненых устраивались концерты, на которых выступали известные певцы и актеры: Н. Плевицкая, Ю. Морфесси, Н. Тамара, А. Ваганова и др. Не раз выступали в Царском Селе поэты Есенин и Клюев. 22 июля 1916 года на концерте для раненых, устроенном в царскосельском лазарете, Есенин читал приветствие юным царевнам собственного сочинения «В багровом зареве закат кипуч и пенен...» и маленькую поэму «Русь» в присутствии императрицы Александры Феодоровны и великих княжон Марии и Анастасии. Текст приветствия, исполненный акварелью, славянской вязью на листе плотной бумаги и украшенный орнаментом, был преподнесен императрице и ее дочерям. Тогда же поэт подарил Александре Феодоровне особый подарочный экземпляр книги «Радуница».

«По просьбе Ломана, — писал Есенин в автобиографии, — однажды читал стихи императрице. Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустны. Я ответил ей, что такова вся Россия. Ссылаясь на бедность, климат и проч.»

За чтение стихов и приветствие Есенину были пожалованы золотые часы с изображением государственного герба, которые были получены Ломаном, но по назначению не переданы.

В 1916 году стихи Есенина появляются в крупнейших периодических изданиях: газете «Биржевые ведомости», «Ежемесячном журнале» и др. Во второй половине 1916 поэт готовит к печати свой второй сборник стихов «Голубень» и одновременно работает над пьесой «Крестьянский пир» (рукопись утрачена).

В предреволюционные годы Есенин все больше думает о судьбе загадочной нищей и необъятной России. Одной из основных тем, которая объединяет стихи 1916 года, является тема прощания с прошлым. В них отразилась горечь разлуки с другом, с родными местами, где поэт прислушивался к звукам природы и любовался ее краем сотовой, с любовью, которая казалась лишь сном, отзвуком, тенью и теперь «отоснилась... навсегда». Возникают сквозные темы поиска пути, дороги для своей родины и самого себя.

Лирика Есенина 1915 — 1916 годов отмечена влиянием блоковских стихов о России и клюевских «избятных песен». В эти годы поэт проявляет интерес к постоянным образам: дороги, избы, сада, песни, к многозначным символам, которые порой лежат в основе целого стихотворения («День ушел, убавилась черта...»), к устойчивой символике цвета: синий, голубой, малиновый, розовый, золотой, белый, желтый и красный. Свойственная поэту точность и конкретность образа сочетается с загадочностью, зыбкими неуловимыми настроениями и поэтичностью.

В 1916–1917 годах Есенин сближается с крестьянскими поэтами. Своего рода идеологом крестьянской группы поэтов выступил публицист и критик Иванов-Разумник, с которым Есенин познакомился в Царском Селе и сразу выделил среди знакомых ему литераторов.

Идеи Иванова-Разумника о будущем духовном преображении России, которое может принести только мятежная натура скифа, были близки не только Есенину и крестьянским поэтам, но и Блоку и А. Белому. В феврале 1917 года у Иванова-Разумника Есенин познакомился с Андреем Белым, который оказал на него «громадное личное влияние». Главное, что сближало Есенина со «скифами», это неприятие самодержавия, желание по-своему осмыслить пути России и стремление к ее социальному обновлению. Иванов-Разумник принадлежал к левому крылу партии эсеров. При его непосредственном участии как печатный орган левых эсеров был организован сборник «Скифы». В некоторых левозеро-эсеровских изданиях («Знамя труда», «Дело народа» и др.), а также в сборниках «Скифы» печатались произведения Есенина, Клюева, Орешина, Белого, Ремизова и др.

В автобиографии 1923 года поэт напишет: «Работал с эсерами не как партийный, а как поэт». Весной 1917 года в редакции эсеро-эской газеты «Дело народа» Есенин познакомился с секретарем-машинисткой Зинаидой Николаевной Райх. Ей было 22 года. Она была жизнерадостна, женственна и красива. Летом во время путешествия к Белому морю Есенин обвенчался с ней в Кирико-Иулитговской церкви близ Вологды. У Есенина и Райх было двое детей — Татьяна (1918 г. р.) и Константин (1920 г. р.). Но в 1920 году семья распалась. Поэт всегда мечтал о домашнем очаге и тяжело переживал этот разлад. Вскоре Райх стала известной актрисой и женой режиссера В.Э. Мейерхольда.

Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому, —

так спустя несколько лет сказал поэт в «Письме от матери», взяв на себя всю вину неудавшегося семейного счастья.

Отношение Есенина к революции вызывает немало споров. Сам поэт в автобиографической заметке «О себе» (1925) писал:

«В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном».

Правда, годом ранее о том же событии сказал более сдержанно:

«Первый период революции встретил сочувственно, но больше стихийно, чем сознательно».

В окончательном варианте «Страны Негодяев», датированной Есениным 1922 — 1923 годами, есть строки, проясняющие сложное отношение поэта к революции в период гражданской войны и нэпа. Они вложены в уста Номаха (Махно):

Пустая забава!
Одни разговоры!
Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те же жулики, те же воры
И вместе с революцией
Всех взяли в плен...

Здесь явная переключка с высказыванием сторожа из «Пугачева» (1921):

Всех связали, всех вневолрили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.

Однако в 1917 году Есенин встретил революцию вдохновенно. Он был тогда счастлив. С женьбой на З. Райх («милой Зикан») в июле 1917 года поэт связывал

романтические надежды на свой дом и семейный очаг.

«В эти месяцы, – вспоминал его друг В. Чернявский, – были написаны одна за другой все его богоборческие и космические поэмы о революции. <...> Он был весь во власти образов своей “есенинской Библии”. <...> “Пророк Есенин Сергей” с самой смелой органичностью переходил в его личное “я”».

«Есенинская Библия» состояла из 10 маленьких поэм, в которых Есенин воспел творение нового мира.

Своеобразным прологом к циклу этих поэм стало стихотворение «Товарищ» (март 1917). Есенин первым из поэтов приблизил к русской революции образ Христа. Позже Блок напишет поэму «Двенадцать», а Андрей Белый революционную поэму «Христос воскрес». Отмечая различие трактовки образа Христа Блоком и Есениным, С. Маковский, поэт и художественный критик журнала «Аполлон», писал:

«Блок выразил по-интеллигентски холодно несколькими словами то, что в поэме Есенина согрето крестьянским чувством».

Такие же земные, естественные чувства владеют героем «библейских» поэм. Полноправный житель космоса, он несет солнце, как сноп овсяный, на руках, ходит по тучам, как по ниве, пятками свешивается с облаков и раскусывает месяц, как орех. Это отличает лирическое чувство Есенина от видения пролетарских поэтов и В. Маяковского, у которых земные страсти получают гиперболизированное, космическое выражение.

Одна из лучших поэм цикла — «Инония», которую поэт и критик В. Ходасевич назвал «лебединой песней Есенина как поэта революции и чаемой правды». В поэме воплощена мечта крестьянского сына о преображенной революцией иной стране — Инонии, двойнике России, где «живет божество живых». Дорогими чертами Инонии является родной дом, песня, старушка-мать и солнышко, которым котенок играет, как клубком.

Основанные на христианской и языческой символике, сложные по строению своих метафор, «библейские» поэмы Есенина вызвали немало споров. Так, В. Ходасевич называл «Инонию» «грубо кощунственной» и «антихристианской». В.Н. Ильин, напротив, считал, что «пленительный и по-своему глубокий образ» поэта возникает именно благодаря переключке, слиянию народных языческих мотивов с христианскими: «Есенин-отрок чудесным образом сохраняет во внутреннем гармоническом равновесии оба мотива». Христианство Есенина, как и Достоевского, по мнению философа, особое, «но все же это христианство».

Москва (1918–1922)

Есенин выступал против деления своего творчества на периоды. В статье «Ключи Марии» (1918) поэт писал:

«Человеческая душа слишком сложна для того, чтобы заковать ее в определенный круг звуков какой-нибудь одной жизненной мелодии или сонаты».

Различные «жизненные мелодии и сонаты» самого Есенина при всей цельности и органическом единстве его «вихревой и взрывчатой», как время революции, поэзии были связаны с поиском новых средств отражения жизни. Участвуя в работе самых разных, порой несовместимых литературных групп, Есенин неизменно подчеркивал независимость своей поэтической позиции.

Декларация имажинистов, под которой он подписался, была опубликована 30 января 1919 года. К тому времени Есенин был сложившимся самобытным поэтом и надеялся утвердить собственную поэтическую школу.

Однако очень скоро Есенин понял, что его надежды не оправдались. Имажинизм (от франц. *image* — образ) сложился как литературная группа (1919–1927), участники которой исходили из представления, что литературное творчество сводится к созданию образов, которые имеют самостоятельное значение. Есенин же стремился к созданию

национального искусства, наиболее полно отражающего жизнь своего народа. Поэтому уже в 1920 году поэт писал в полемической статье «Быт и искусство»:

«Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада. <...> Но да простят мои собратья, если я им скажу, что такой подход к искусству слишком несерьезный. <...> У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласовано все».

Вместе с тем Есенин никогда не перечеркивал художественных находок имажинистов. В автобиографии 1924 года он отметил, что это течение «повернуло формально русскую поэзию по другому руслу восприятия».

В 1919 году наступает резкий перелом в настроениях Есенина. Он видит реальную опасность разрушения родного мира природы и чувствует свое бессилие перед грубой механической силой. В стихи двадцатипятилетнего поэта, теряющего свою любимую «голубую Русь», входят мотивы преждевременного заката жизни («Увяданья золотом охваченный, // Я не буду больше молодым»). Стихи 1919–1920 («Кобыльи корабли», «Хулиган» «Исповедь хулигана» и др.), в которых критики видели «отрицательное влияние имажинизма», «увлечение вычурными образами и нарочито вульгарной лексикой» были для поэта не простым трюкачеством, а естественным поэтическим и гражданским протестом против «умерщвления личности как живого».

В письме к Е.И. Лифшиц, написанном в августе 1920, поэт дает такую оценку происходящему:

«...Идет совершенно не тот социализм, о котором я думал... Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений».

В эту эпоху «без славы и мечтаний», когда, по словам Маяковского, лирика была «в штыки неоднократно атакована», Есенин взывал к человеческой нежности и милосердию. Какой-то особенной грустью отмечены элегии поэта, покидающего родные поля: «Душа грустит о небесах...» и написанная во время поездки в Константиново в мае 1920 года — «Я последний поэт деревни...». Это стихотворение сразу было воспринято современниками как важнейшая автохарактеристика поэта и цитировалась и упоминалась почти в каждой статье о Есенине.

В августе 1920 года поэт пишет стихи о гибели родного деревенского мира «Сорокоуст», которые Валерий Брюсов считал «лучшими из всех, что были написаны за последнее время».

Главным достижением этого периода является создание большого эпоса. Поэма «Пугачев», которую Есенин написал в 1921 году, в расцвете своего самобытного таланта, открыла новую полосу не только в есенинском творчестве, но и в русской литературе 20-х годов. Она произвела ошеломляющий эффект на рядовых читателей и критиков своей потенциальной многозначностью, необычностью жанра, стихийностью чувств, мощью трагического сюжета не то исторического, не то современного, и принесла своему автору европейскую известность.

Поэма посвящена Крестьянской войне 1773–1775 под предводительством Емельяна Пугачева и охватывает события от принятия Пугачевым имени императора Петра III и мятежа в Яицком городке в январе 1772 до падения Пугачева, преданного своими сподвижниками.

Есенин первым в 20-е годы обратился к теме, которая вскоре, в связи с массовыми крестьянскими выступлениями (особенно крупным было крестьянское восстание на Тамбовщине в 1920–1922 гг. под предводительством А. Антонова), стала популярной. Крестьянский вопрос в России — стране аграрной, крестьянской, в это время особенно обострился. Стихийные выступления крестьян, обычно терпевшие поражение, вызывали глубокую тревогу поэта и стремление понять исторические, социальные и психологические причины их рокового исхода и — шире — результаты, к которым пришла революция 1917 года.

Важной предпосылкой создания первой эпической поэмы, которую характеризует не только многообразие «разносмысленных» слов, метафор и рифм, но и полифонический, «тройственный» сюжет, является не только накопление эпического опыта, но и осмысление характерных черт своей поэтики. «Созрел во мне поэт с большой эпической темой...» — так мог сказать поэт, создавший в своих теоретических работах 1918–1921 «целую эпопею о своем отношении к творческому слову» и расценивший ее как науку отношения к миру и человеку. Основу этой науки Есенин относит к «узорам нашей мифологической эпике».

Другой важной предпосылкой рождения большого эпоса стало открытие нового героя — нежного хулигана, который пришел на смену пророку из маленьких библейских поэм. Эта поэтическая маска является формой протеста против действительности и имеет глубокие корни в мировой литературной традиции и современном искусстве. Но есенинский герой необычен, он «не от мира сего», потому что соединение нежности и хулиганства само по себе явление парадоксальное, заключающее в себе противоположные и несоединимые характеристики.

Позиция автора «Пугачева» далеко не однозначна и отнюдь не сводится к крестьянской точке зрения, личной трагедии поэта или воспеванию народного мятежа. Есенин выступает с позиций национальных и общечеловеческих. «Пугачев» — не только о русской истории и современности, но и о вечных вопросах человеческого существования — о смысле человеческой жизни, о долге и товариществе, о святой мести и предательстве, с которыми в той или иной мере встречается каждый человек.

Философский взгляд на мир в поэзии Есенина начала 1920-х годов реализуется в полифонии художественного образа, как правило, «разносмысленного», объединяющего противоположные значения и ассоциации.

Поэт всячески выявляет многозначность языка, когда одно слово «запирает в себе целый ряд других слов». Свой взгляд на искусство он строит в соответствии с народным мышлением. «Слагая два противоположных явления через сходственность в движении, — пишет поэт, — она <наша образность> родила метафору:

Луна — заяц,
Звезды — заячьи следы.

Если перечитать любое стихотворение поэта, можно увидеть не только богатство переживаний, но прежде всего противоборство выраженных в нем чувств, когда на наших глазах разворачивается целая лирическая драма. Такова, например, широко известная элегия «Не жалею, не зову, не плачу...».

Сразу после публикации произведения весной 1922 года критики признали высочайшее мастерство поэта и удивительный пушкинский стих Есенина. Для многих это стихотворение стало наглядным доказательством того, что поэт «звериным прыжком» преодолел имажинизм и опять очутился на свободе.

Зарубежная поездка. Европа и Америка (1922–1923)

Ощущение трагедии, которая происходит с Россией и душой народа, обманутого «суровым Октябрем», мука собственного бессилия перед «роком событий», личные неурядицы выплескивались в стихи, составившие цикл «Москва кабацкая», и поэмы «Страна Негодяев» и «Черный человек». Все эти произведения Есенин создал во время зарубежной поездки со своей женой Айседорой Дункан. 3 октября 1921 года они познакомились, а 10 мая 1922 года вылетели на самолете до Кенигсберга и 11 мая вечерним поездом прибыли в Берлин.

Есенину было 26 лет, а Дункан 45. Всемирно известная танцовщица, пережившая страшную утрату (двое ее маленьких детей погибли в Париже в автомобильной катастрофе), и великий русский поэт, несущий свою невидимую миру боль, встретились в грозные годы жизни в России. Они многое дали друг другу, хотя немало друг друга и мучили.

«За все, за все, за все тебя благодарю я...» – написал Есенин на книге «Пугачев», подаренной Дункан.

Зарубежная поездка была довольно продолжительной — с 11 мая 1922 до 3 августа 1923. Кроме Германии летом 1922 Есенин побывал в Бельгии, Франции, Италии. С 1 октября 1922 до начала февраля 1924 поэт находился в США.

Как показывают заграничные письма, вдали от родины Есенина волновали два основных вопроса, о которых он постоянно писал своим друзьям и близким — наступление «ужаснейшего царства мещанства», где «в страшной моде господин доллар», и судьба искусства в современном обществе. Эти две темы «разойдутся» по двум поэмам, над которыми поэт работал во время зарубежной поездки. В «Стране Негодяев» отразится проникший в Россию мир бизнеса, не имеющий национальных границ и объединяющий «подлецов всех стран», а в «Черном человеке» — взгляды на жизнь и искусство. Ранний вариант «Черного человека» неизвестен. Позже, в ноябре 1925, Есенин создаст еще один вариант этой поэмы, по словам современников, менее драматичный, чем ранний.

Тот факт, что именно за рубежом поэт пишет две поэмы, в которых основной темой являются национальные пути развития России и русского искусства, объясняется несколькими обстоятельствами. Есенин был поражен бездуховностью современной Европы и Америки и тосковал о России. Кроме того, во время зарубежной поездки поэт окончательно понял, что его надежды на имажинизм как эру возрождения национального искусства не оправдались.

Драматическая поэма «Страна Негодяев» напоминает занимательный детектив с острым авантюрным сюжетом, в котором совмещаются события гражданской войны и нэпа. Комиссар золотых приисков Рассветов везет по железной дороге из глухих мест в Москву целый вагон золота в слитках. 200 повстанцев во главе с бандитом Номахом нападают на поезд и грабят его. Затем переодетый агент ЧК Литза-Хун выслеживает преступника в тайном притоне, а потом в Киеве. Но Номах ловко обманывает преследователей и, переодевшись в костюм китайца, исчезает.

Подобно Гоголю, Есенин собирает в свою воображаемую «Страну Негодяев» все дурное, что он видит на родине, которая становится похожей на Америку — «Железный Миргород», и сатирически разоблачает именно российское негодяйство, в котором видит тот же национальный нигилизм, что и в безродной Америке. Но это вовсе не значит, что поэт называет всю свою любимую Россию Страной Негодяев. «Страна Негодяев» — это поэма-предостережение, которая показывает не реальную Россию, а ту, какой она может стать, если забудет о собственных национальных интересах и своем народе и увязнет в американском бизнесе и гражданской войне.

Главной идеей «Страны Негодяев» является идея национального развития России. Художественная новизна сатирической «поэмы без героя» проявилась в том, что Есенин показал главную опасность для современного общества: забвение национальных интересов, «философию жадных собак» и разжигание ненависти и вражды.

Драматическую поэму «Страну Негодяев» Есенин будет редактировать, вернувшись в Россию, но четыре попытки опубликовать ее в 1924 году окончатся неудачей. Только после смерти Есенина А. Воронскому и И. Евдокимову удастся исполнить желание поэта и включить это произведение в третий том его Собрания стихотворений.

За рубежом Есенин пишет стихи: «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Сыпь, гармоника, скука, скука...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...», которые вошли в сборник «Стихи скандалиста» под общим названием «Москва кабацкая». В них отразилась не только московская кабацкая Русь, но и жизнь русских эмигрантов. Поэт писал друзьям: «Здесь такая тоска, такая бездарнейшая «северянинщина» жизни», «все они здесь прогнали за 5 лет эмиграции. Живущий в склепе всегда пахнет мертвечиной».

В апреле-июне 1923 года, в период пребывания во Франции, Есенин задумал издание цикла отдельной книгой в Париже. Но книга вышла только в июле 1924 в Ленинграде.

Ни один сборник Есенина не вызывал таких противоречивых откликов, как «Москва кабацкая». Одни видели в нем «щемящую грусть», жалость поэта к кабацкой Москве, которую «Октябрь выбросил за борт истории», «нежную лиричность, тоску по кленам, по полям, по ивам». Другие — «ужас, отчаяние, безнадежность», «пьяные скандалы» и «распад личности». Третьи — поворот «в сторону романтического идеализма», призыв к «духовному самоочищению» и «наличность нового и святого для нашей литературы порыва» и характеризовали стихи как «поразительные по своей внутренней красоте». «Новая свежесть слов» закрепила за Есениным место одного из лучших лириков эпохи. Строки из «Москвы кабацкой» «были у всех на устах, пользовались огромной популярностью, особенно в исполнении автора, и прославили его не только на родине, но и за рубежом. Есенина называли «русским принцем поэтов» и «могучим русским лириком с исключительным даром чувства».

Во вступительной статье к сборнику «Исповедь хулигана» на французском языке Ф. Элленс писал о Есенине:

«Два его произведения — «Страна Негодяев» и особенно «Исповедь хулигана» — изображают поэта таким, каким он был, смело и без прикрас. В последнем из них звучат два мотива — резкий и нежный: то поэт бушует, как ураган, то шелестит, как утренний ветерок в молодой листве».

После заграницы (август 1923 — август 1924)

«Жизненная мелодия» поэзии Есенина, а с ней и стиль его «словесной походки» резко изменились в 1923–1925. Поэт настойчиво обращал внимание на свое внутреннее «перестроение». В автобиографии, датированной 20 июня 1924, читаем:

«После заграницы я смотрю на страну свою и события совсем по-другому. <...> Сейчас я отрицаю всякие школы. Считаю, что поэт и не может держаться определенной какой-нибудь школы. Это его связывает по рукам и ногам. Только свободный художник может принести свободное слово».

В письме к Г. Бениславской, наиболее близкому в эти годы другу и помощнице в издательских делах, Есенин сообщал 20 декабря 1924:

«Я чувствую себя просветленным, не нужно мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия. <...> Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв».

После возвращения из зарубежной поездки наступило самое трудное для Есенина время. Одним из самых унижительных событий было сфабрикованное против него обвинение в антисемитизме. 20–21 ноября 1923 после инцидента в пивной И. Малинникова Есенина вместе с С. Клычковым, П. Орешиним и А. Ганиным задержали органы милиции и ОГПУ. На другой же день в «Рабочей газете» была опубликована статья Л. Сосновского «Испорченный праздник» с обвинением четырех поэтов в антисемитизме и требованием привлечь их к ответственности и прекратить печатать их произведения в советской печати. В ответ на эту статью 30 ноября «Правда» опубликовала письмо четырех поэтов, в котором они пытались объяснить происходящее как недоразумение. Однако 10–11 декабря в Доме печати состоялся товарищеский суд по «делу четырех поэтов». Статью Сосновского осудили, но поэтам объявили общественное порицание.

Организованная травля Есенина (всего в период с 1920 по 1925 на поэта было заведено 13 уголовных дел) подорвала его здоровье. В декабре 1923 поэт оказался в профилактории для нервных больных. В феврале и марте продолжил лечение в Шереметевской (ныне институт им. Склифосовского) и Кремлевской больницах.

Рапповская критика все чаще упрекает Есенина в отсталости и консерватизме. 9 мая 1924 года поэт вместе с М. Волошиным, С. Клычковым, Б. Пильняком, О. Мандельштамом, А. Толстым и другими писателями подписывает письмо в отдел печати ЦК РКП(б) в защиту писателей, которых критики-коммунисты не признавали и называли «попутчиками».

Поразительно, что в творчестве Есенина в это время наступает самый просветленный период. Один из современников поэта, Б. Зубакин, вспоминал:

«Шло от него прохладное и высокое веяние гения. Лукавый, человечно-расчетливый, двоедушный — вдруг преображался, и все видели, что ему смешны все расчеты земные — и слова, и «люди», и он сам себе — каким он был только что с ними. Он становился в такие минуты очень прост и величав — и как-то отсутствующ. Улыбался все рассеянной и нежней — как-то поверх всего, но всем».

На смену бурным страстям и диссонансам «Москвы кабацкой» в поэзию Есенина 1923–1925 входит «иная жизнь, иной напев». Поэт снимает маску скандалиста и хулигана и раскрывает свою истинную суть — собеседника и философа. Именно в это время поэт постоянно обращается в стихах к образу женщины — женщины-матери и женщины-любимой. Именно в это время создает стихи совершенно необычной даже для Есенина нежности, грусти и задушевности.

Вместе с признанием неизбежности расставания с бывшим в поэзии Есенина этих лет все настойчивее звучит мотив милосердия и приятия жизни во всех ее ликах и со всеми ее муками и радостями:

Приемлю все, Как есть все принимаю.	Ничего не могу пожелать, Все, как есть, без конца принимая.
(«Русь советская»)	(«Синий май, зарева теплень...»)

Внешне лирический герой Есенина этих лет выглядит прохожим и «праздным» соглядатаем, но он видит все мучительные проблемы жизни, слышит все, чем терзаются люди, задается горькими «вечными» вопросами. Поэт не лукавит, что знает на них ответы, понимая: у каждого своя правда. «Русь советская», «Русь бесприютная» и «Русь уходящая» равноправно предстают в поэзии Есенина и вопрос: «Куда несет нас рок событий?» получает различные толкования у многочисленных персонажей его произведений.

«Разговаривающий Есенин» — так очень точно назвала героя есенинской лирики последних лет литературовед А. Марченко. В эти годы поэт обращается к различным жанрам: стихотворным письмам, любовной лирике, маленьким поэмам и эпосу.

Сразу по возвращении в Россию Есенин пишет очерк об Америке «Железный Миргород» и цикл стихотворений «Любовь хулигана», посвященный А. Миклашевской, известной актрисе московского Камерного театра.

По настроению к циклу «Любовь хулигана» близки стихи, созданные весной 1924 года. Среди них одно из самых известных — «Письмо матери», написанное в марте после выхода из Кремлевской больницы, где Есенин находился на лечении раны руки.

К «Письму матери» примыкает написанное вскоре после смерти поэта А. Ширяевца стихотворение «Мы теперь уходим понемногу...» (в рукописи озаглавлено «Ровесникам», а в первой публикации — «Памяти Ширяевца»). Ширяевец умер 15 мая 1924 года от менингита. Болезнь была скоротечной, и внезапная кончина друга потрясла Есенина, который вел с ним переписку с 1915 года, последние три года был лично знаком и особенно часто встречался после переезда Ширяевца в Москву и возвращения Есенина из зарубежной поездки.

Вопрос об отношении к Пушкину стал одним из вопросов, порождавшим самые разные точки зрения и позиции литературных группировок и объединений. Есенин, отвечая на Анкету журнала «Книга о книгах» (1924), писал: «Пушкин — самый любимый мной поэт. С каждым годом я воспринимаю его все больше и больше как гения страны, в которой я живу. Даже его ошибки, как, например, характеристика Мазепы, мне приятны, потому что это есть общее осознание русской истории. <...> Постичь Пушкина — это уже нужно иметь талант. Думаю, что только сейчас мы начинаем осознавать стиль его словесной походки».

Знаком особого внимания Есенина к пушкинской традиции является стихотворение «Пушкину», которое поэт написал 26 мая 1924 года к 125-летию со дня рождения Пушкина и читал на юбилейном митинге 6 июня 1924 года у памятника поэту на

Тверском бульваре.

Главным и великим мотивом, объединяющим лирику последних лет, становится тема любви и верности родине, которая ярко прозвучала в «Возвращении на родину» («На родине»), написанном под обаянием пушкинского «Вновь я посетил...».

Летом 1924 года написана Маленькая поэма «Русь советская», посвященная одному из близких друзей поэта, издательскому работнику Александру Михайловичу Сахарову, который в 1922 году выпустил в Петрограде есенинского «Пугачева». Впоследствии он был репрессирован и умер в 1952 году в ссылке.

Летом в Ленинграде Есенин написал поэму «Песнь о великом походе», где соединил две эпохи — петровских преобразований и гражданской войны, а вернувшись 1 августа в Москву — «Поэму о 36», посвященную узникам Шлиссельбургской крепости. Последнюю поэму поэт дорабатывал во второй половине августа уже в Константинове. Здесь же Есенин написал одно из наиболее известных произведений «Отговорила роща золотая...» «В работе над этим стихотворением, — вспоминала А.А. Есенина, — у него была замечательная помощница — наша рязанская природа, с пролетающими в поля косяками журавлей, с костром рябины красной, стоящей перед нашим боковым окном».

Стихотворение построено на своеобразном приеме — «олицетворении наоборот», когда то, что происходит с живым миром природы, отождествляется с состоянием человека.

Здесь Есенин использует характерный для лирики его зрелого творчества прием кольцевой композиции, который придает переживанию, выраженному в стихе, завершенную форму — повторение начальных и завершающих строк в измененном виде, когда варьируется вторая часть кольца. Такое движение мысли и переживания логически вытекает из всего предшествующего развития темы, становится ответом на поставленный в начале вопрос, объясняет ее или опровергает высказанный ранее тезис:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком...

Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

В первой строфе дана обобщенная картина поздней осени, которая передает печальное настроение лирического героя.

Во второй — содержится своеобразная формула жизненного пути человека:

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Затем появляется одинокий герой («Стою один среди равнины голой...» — «один и «голая» равнина — тавтология, вызывающая чувство предельного одиночества), который говорит о том, что ему «в прошедшем ничего не жаль». Эти слова явно соотносятся с первой строфой, где журавли «не жалеют больше ни о ком». Далее слова «Не жаль» повторяются еще два раза:

Не жаль мне лет, растроченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.

Но удивительно — эти настойчивые повторы не убеждают. Невозможно не жалеть тех лет, которые растрочены напрасно.

Кульминационны незабываемые строки:

В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Кажется, в словах «никого не может» — высшая степень безысходности. Но здесь возникают другие, противоречащие этим отрицаниям слова, утверждающие, что роща не может отговорить навсегда, и человек не может не жалеть прошедшей молодости. Ничто не проходит бесследно:

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава.

И когда лирический герой сравнивает себя с облетевшей рощей («Как дерево роняет тихо листья, // Так я роняю грустные слова...»), мы понимаем, что эти стихи о том, что и его поэзии суждена жизнь, такая же вечная, как окружающей его природе, потому что на смену осени и зиме всегда приходит весна.

«Болдинская осень» Есенина. Кавказ (сентябрь 1924 — сентябрь 1925)

С 3 сентября 1924 до 3 сентября 1925 Есенин живет в Тифлисе, Баку, Батуме, приезжая на короткое время в Москву, Ленинград и Константиново. На Кавказе написаны и опубликованы многие стихи и поэмы тех лет: «Русь бесприютная», «Письмо к женщине», «Поэтам Грузии», «Письмо от матери», поэма «Анна Снегина», «Капитан Земли» и др. «Работается и пишется мне дьявольски хорошо», — писал в одном из писем в конце 1924 года поэт. Позже этот период жизни и творчества Есенина исследователи назовут пушкински — «болдинской осенью».

На Кавказе Есенин задумал большой цикл стихов «Персидские мотивы», который должен был составить целую книгу из 20 стихотворений. В связи с работой над циклом им овладело настойчивое желание съездить в Персию (Иран) или Турцию. Это желание так и не осуществилось. Цикл «Персидские мотивы» был создан поэтом под впечатлением поездок по Грузии и Азербайджану с сентября 1924 по август 1925 года. Всего к осени 1925 года Есениным было написано 15 стихотворений, одно («Море голосов воробыных...») осталось в черновике.

В «Персидских мотивах» отразились живые впечатления от встреч с жителями Баку, Тифлиса, Батума, уличными музыкантами, от многолюдных базаров, погребков, духанов, чайханы и своеобразной восточной природы. Свою роль сыграло и увлечение Есенина восточными классиками: Саади, Хайямом и др.

В конце 1924 — начале 1925 года на Кавказе Есенин начал работать над поэмой «Анна Снегина». Одна из крупнейших поэм Есенина была написана за очень короткий срок, чуть больше месяца, и датирована автором январем 1925 года. В марте, уже вернувшись с Кавказа в Москву, Есенин своим литературным друзьям охотнее всего читал эту поэму. Современники вспоминали, что она нравилась автору больше, чем другие стихи.

1 марта Есенин возвращается в Москву и занимается окончательной обработкой «Анны Снегиной».

В Москве Есенин находился меньше месяца с короткой поездкой в родное Константиново и уже 27 марта едет в Баку. До отъезда на Кавказ поэт знакомится с актером В. Качаловым и с режиссером К. Станиславским. Под впечатлением посещения дома Качалова Есенин пишет стихотворение «Собаке Качалова».

С 30 марта Есенин живет в Баку и пишет стихи «Голубая да веселая страна...», «Воздух прозрачный и синий», «Заря окликает другую...», «Синий май, зарева теплынь...», «Прощай Баку! Тебя я не увижу...», «Неуютная жидкая лунность» и др. П. Чагин систематически публикует новые произведения поэта на страницах газеты «Бакинский рабочий». Сильное простудное заболевание задерживает Есенина в Баку. Во время лечения в бакинской больнице поэт пишет «Есть одна хорошая песня у соловушки...» и «Не вернусь я в отчий дом...».

28 мая Есенин приезжает в Москву. В течение последнего лета своей жизни поэт совершает две поездки в Константиново, одну в начале июня на свадьбу своего двоюродного брата, а другую в июле.

Перед отъездом в Константиново поэт пишет стихотворение «Спит ковыль. Равнина дорогая...», которое как будто подводит итог его размышлениям о России последних лет.

Отпраздновав свадьбу с С.А. Толстой, поэт 25 июля уезжает с ней в Баку.

Последние месяцы жизни (сентябрь–декабрь 1925)

6 сентября Есенин с Толстой-Есениной возвращается в Москву. Здесь в течение двух месяцев поэт с помощью жены готовит наборный экземпляр рукописи Собрания стихотворений для Госиздата. Договор на издание этого собрания в трех томах был подписан еще 30 июня 1925. Однажды в письме к Бениславской Есенин написал: «Этого собрания я желаю до нервных вздрагиваний. Вдруг помрешь — сделают все не так, как надо».

Несмотря на плохое здоровье и тяжелое душевное состояние, Есенин в последние месяцы жизни много и легко пишет. Порой в течение одного дня или ночи он сочиняет несколько стихотворений или одно большое произведение. И таких дней немало. 13 сентября после прогулки со своей сестрой Шурой и женой С. Толстой-Есениной и нескольких забавных случаев Есенин пишет четыре стихотворения, посвященные Сестре Шуре.

В ночь с 4 на 5 октября Есенин диктует жене подряд семь шести- и восьмистрочных стихотворений. В ночь с 7 на 8 октября пишет «Сказку о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве».

Самым значительным произведением, которое Есенин завершает в конце своей жизни, является поэма «Черный человек». Эта последняя, самая маленькая и самая емкая из больших поэм Есенина относится к самым загадочным произведениям мировой поэзии. В отличие от «Анны Снегиной», которую Есенин написал всего за один месяц, «Черный человек» создавался в течение нескольких лет. Поэма была задумана в 1921–1922 годах и написана в 1923. Не один раз за эти годы Есенин надевал цилиндр, помахивал тросточкой и проигрывал перед зеркалом одну из самых страшных сцен своей поэмы, когда герой стоит перед зеркалом. Поэт несколько раз возвращался к «Черному человеку», но все попытки опубликовать эту вещь заканчивались неудачей.

Публикация «Черного человека» состоялась только после смерти Есенина и поэма была прочитана как вещь предсмертная и автобиографическая.

26 ноября поэт лег в клинику 1-го Московского государственного университета. Там были написаны стихотворения «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», «Какая ночь! Я не могу...», «Не гляди на меня с упреком...» и др. 21 декабря Есенин ушел из клиники. В Госиздате написал заявление с просьбой аннулировать все доверенности, гонорар выдавать только ему и снял со сберкнижки почти все имеющиеся деньги, необходимые для поездки в Ленинград. 23 декабря посетил Госиздат, просил выслать гранки его Собрания в Ленинград и выехал из Москвы вечерним поездом. Здесь, в городе, где к поэту пришла известность и слава, он собирался начать новую жизнь.

В Ленинграде Есенин остановился в гостинице «Англетер», известном всем петербуржцам «скромно-барственном отеле на Исаакиевской площади».

27 декабря поэт написал собственной кровью стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Необычное обстоятельство написания стихов он в тот же день объяснил тем, что в гостинице нет чернил.

Утром 28 декабря Есенин был найден повешенным в своем номере гостиницы «Англетер».

29 декабря в помещении Ленинградского отдела Союза писателей состоялась гражданская панихида. Затем гроб с телом поэта перевезли на поезде в Москву, где 30 декабря в Доме печати вся Москва прощалась с «московским озорным гулякой».

«Везде, – вспоминает один из современников поэта, – говорили о трагической смерти Есенина. Все искали его стихов, читали его предсмертные строки:

До свиданья, друг мой,
до свиданья!..

Вечером мы пошли в Дом печати... Дул влажный ветер. Воздух был совсем весенний, снег — сырой. По фасаду Дома печати протянулась широкая красная лента с надписью: «Здесь находится тело великого национального поэта Сергея Есенина». Большая, почему-то скудно освещенная комната, где стоял гроб,

была полна народу... В глубине комнаты сбились в траурную группу близкие Есенина. Понуро сидела на диване, уронив на опущенное лицо прядь коротких волос, бывшая жена поэта Райх. Кто-то утешал С.А. Толстую. Немного поодаль выделялась среди других своим крестьянским обликом не спускавшая глаз с гроба пожилая женщина — мать Есенина, Татьяна Федоровна».

Перед тем, как отнести Есенина на Ваганьковское кладбище, гроб с его телом обнесли вокруг памятника Пушкину.

Большинство современников не сомневалось в самоубийстве поэта. Эта версия была подвергнута сомнению уже в наши дни. Выдвигаются гипотезы, что Есенина убили.

После смерти Есенина критика, обслуживающая интересы нового строя, связала с именем поэта самые отрицательные черты русской деревни и национального русского характера. Возникло даже уничтожающее понятие «есенинщина», с которым была объявлена непримиримая борьба. Стихи поэта почти не издавались, а его имя было вычеркнуто из истории русской литературы. Но всегда, вопреки запретам, Есенин был одним из самых любимых поэтов в России. И главный секрет всеобщей и неиссякаемой любви к Есенину в уникальности его поэтического дара.

В революционную эпоху ломки традиционных укладов, смертельной схватки России белой и красной Есенин стал для каждого «стана» выразителем русской боли о невозвратном и в то же время веры в грядущее преображение родины. Его стихи были близки чекисту и белогвардейцу, изысканному эстету и человеку, не имеющему никакого отношения к литературе. По свидетельству прошедшего сталинский ГУЛАГ Варлама Шаламова, Есенин — единственный поэт, «принятый» и «освященный» даже блатными, которые вовсе не жалуют стихов. Больше того, «Есенин» на жаргоне означает «заключенный, сочиняющий стихи или песни». Не случайно лучший и самый есенинский фильм Василия Шукшина «Калина красная» начинается с песни «Я по-прежнему такой же нежный...», которую отрешенно и задушевно поет его герой, отбывающий лагерный срок...

В 1950 году Георгий Иванов, русский поэт, оказавшийся на чужбине, писал:

«На любви к Есенину сходятся <...> два полюса искаженного и раздробленного революцией русского сознания, между которыми, казалось бы, нет ничего общего. <...> Мертвому Есенину удалось то, что не удалось за тридцать два года большевизма никому из живых. Из могилы он объединяет русских людей звуком русской песни...»

Это удивительное по пронизательности наблюдение выражает великую духовную миссию поэта, ставшего мифом XX века. Поэта, который пришел на эту землю объединять утраченное, соединять, примирять враждующих, просветлять их души врачующим словом любви.